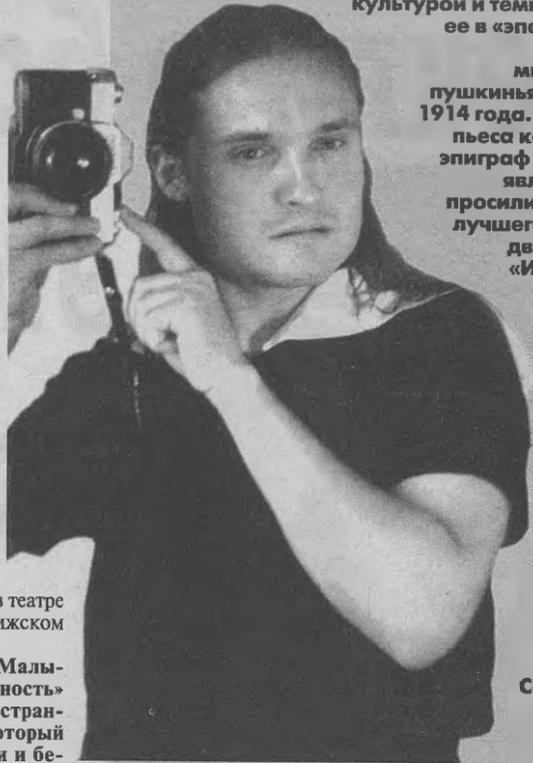

— Мне хотелось поставить свой дом, как пьесу, — сказал Александр Васильев, театральным художником, историком костюма, коллекционером. Сценография дома почти разламывалась от мелкой пестроты бисера, алебаstra, кокошников, розовых лепестков, от перекличек с русской усадебной культурой и теми, кто воскресил ее в «эпоху канунов», — художниками-мирикунами, пушкинскими образцами 1914 года... Но — это была пьеса конца XX века. В эпигофе к ней (хотя бы к явлению первому) просились слова Блока, лучшего из «кающихся дворян», из статьи «Интеллигенция и революция» (1918): «Не беспокойтесь... Мало мы любили, если трусим за любимое... Не бойтесь разрушения кремлей, дворцов, картин, книг... Вечные формы, нам открывшиеся, отнимаются только вместе с сердцем»... Самое забавное, что так оно в конечном счете и оказалось

ры... даже, кажется, строение костей — и мы все это сможем увидеть, визуальный материал ведь много выразительнее слова...
— Вы так быстро работаете?
— Подойдите, пожалуйста, сюда. Вот комод, я купил его у Ирины Одоевцевой перед ее отъездом в Россию...
Ящички были полны пластмассовых футляров размером с табакерку с надписью на ребре: «Мода Тосканы. Мужской костюм. 1520-е годы», «Мода Тосканы. Мужской костюм. 1530-е годы», «Мода Тосканы. Женский костюм...», «Мода Германии, Франции, Оттоманской империи, Скандинавии, Испании, России, Америки, мода эпохи ристалищ, мода эпохи фокстротов, слайды, перенятые в музеях, архивах, библиотеках... В общей сложности их было пятнадцать тысяч. ...И, глядя на этот карнавал фигурок, расставленных по временам и странам в педантичном, вполне компьютерного толка порядке, я вспомнила пророчество 1921 года: после всего произошедшего в России *воля к культуре* станет для многих *волей к жизни*. Но в железном веке и культура станет железной.
А системность для нее будет лучшим способом самозащиты.
— У вас, кажется, выходит еще одна книга?
— Да, в сентябре, в Москве, в издательстве «Слово», она на-

Верно, потому именно пьеса, принадлежащая эпохе «после всего», эпохе, давно способной плакать только от умиления, была нарядной и веселой. Ее декорации (то бишь стены дома) пылали темно-алым и светлосиним: усадебными, точно процитированными цветами. Я их, впрочем, видела и раньше — не в музейном обмороке, не в коммунальном запустении. Алы, по-видимому, — в театральном зале. А синий?..
По углам дома клубился кордебалет разноликих, искусно рязженных персонажей. Они выступали цепями, как балетный дивертисмент. Первыми — портреты по стенам: темноволосяный кавалерист; девочка в белом из тех усадебных детей, что читали Шиллера при свече, держа под боком зайца и белку; старая барыня с римским носом, властными чертами лица — какая-нибудь Жозефина Густавовна из глухого угла Поволжья, из стихов Кузмина о предках... В кулисах соседней комнаты, верно, толпились костюмы из коллекции Васильева, «цветущая сложность» нарядов прошлого века.
Третий дивертисмент: театральные эскизы Васильева, сотни пестрых фигурок, ироничный, декоративный — то до манерности, то до дерзости — карнавал, они вели борьбу... не определило: с кем? с чем? во имя чего? Но — полемический запал в этом празднике, несомненно, был.
Впрочем, не были подернуты иронией эскизы к «Шелкунчику»: суета персонажей рождественской интермедии; замечательный крестный Дроссельмейер — он отбросил лупу часовщика, снял стеклянный парик, помолодел — и сделался похож на Диккенса, летящего сквозь метель Сочельника. Не было иронии в эскизах к «Ромео и Джульетте», спектаклю, решенному, кажется, целиком в трех цветах, трех мгновенно узнаваемых цветах не Вероны, но Флоренции: в желтом, голубом, охристом желтом — ее стен, темно-коричневом — ее ставен, крепостных зубцов Синьории и — в торжествующем, темно-алом цвете ее зрелого Ренессанса.
...Мелькали балет Верди «Три мушкетера» (какового балета Верди не писал, партитура собрана из его музыки в наше время), «Сказки Гофмана» и «Князь Игорь», «Паяцы» и «Пуритане», «Золушка», «Раймонда», «Жизель», «Дон Кихот», балеты конца XX века — «Гроза» и «Анна Каренина» Андрея Проковского, «Идиот» и «Три сестры» Валерия Панова, балеты «Жак Брель» и «1942 год», эскизы к спектаклям, поставленным в Лондоне, Париже, Токио, Брюсселе, Висбадене, Сантьяго, Гонконге, Рейкьявике, Анкаре. Мелькнул четкий знак конца века, коловращения культуры: спектакль Тосканского балета Флоренции «Великий Гэтсби». Пролетела А. А. Каренина — в красном, в черных нитяных перчатках, похожая на Кармен, но и на вятскую игрушку, и на валдайскую крестьянку тоже. Неуклюжая Анна Аркадьевна, которую ядовито, наперобой подраживали алые шелковые язычки ее же балетной юбки.
Ужасно разрушительный был образ. И ужасно убедительный.
...Поэтому я отчасти жалела, что не видела эскизов Васильева к спектаклю Ю. П. Любимова «Евгений Онегин» (1987, Бонн), — в первую очередь жалела, что не видела Ленского и Татьяну. А отчасти — даже и рада этому обстоятельству.
...Как это сочеталось с образом дома, в котором была твердой рукой выгорожена и воссоздана уездная усадьба, светло-зеленая прихожая, как лобезно пояснил хозяин дома, обозначала сад, пастель на садовой стенке молча цитировала Чехова: «Белые массы цветов, голубое

небо...» Сочеталось — в странной гармонии конца XX века, гармонии диссонансов. За окнами гостиной, усадебной и театральной, шурали шины. И уже загорались вечерние огни города Парижа.
— Вы уехали во Францию в начале восьмидесятых, чуть ли не в студенчестве?
— В мае 1982 года. Я был аспирантом Академии художеств.
— Вы прошли «жесткую школу» эмиграции?
— Да. В первые месяцы. Но осенью того же года я ставил первые спектакли в театре города Пуатье и парижском театре «Картушери».
— Когда-то Аня Малышева в журнале «Юность» писала о вас как о «странном мальчике», который собирает старые вещи и бестрепетно ходит по Москве конца семидесятых во фраке...
— Да! В то время рушили старые дома, и я, будучи подростком, с удовольствием посещал помойки и стройки. Я находил мебель из карельской березы, костюмы, самовары. Когда вскрывали полы в руинах

обнаживались фантики от шоколада «Эйнем», всякая старинная мелочь, — тогда мне это казалось замечательно ценным...
— И ваша юношеская коллекция легла в основу этой?
— Нет, та осталась в Москве. Здесь почти нет русских вещей...
...Кавалерист на портрете оказался шведским кронпринцем, усадебная девочка в белом — французской. На голубом бисерном кисте была вышита стилизованная славянская буква «Б» в окружении орнамента южноамериканских индейцев, поверху шел узор из палевых роз. И какая пьеса (в смысле — судьба) стояла за этим? ...Весь гербарий вещей — нерусских, но похожих на русские — был собран в антикварных лавках, на толкучих рынках Парижа, Лондона, Брюсселя, Италии, Скандинавии, Латинской Америки.
— То есть вы сами себе смоделировали усадебную Россию, такую, какой вам хотелось бы ее видеть, из чужеродного материала и в Париже?
— По-видимому, так. Если угодно.
— В скольких странах вы работали за пятнадцать лет?
— В двадцати. Я работал в театрах как сценограф и читал в университетах лекции по истории моды.
— Вы насытили «тоску по мировой культуре» московского подростка середины семидесятых?
— Нет, конечно.

— Да! В то время рушили старые дома, и я, будучи подростком, с удовольствием посещал помойки и стройки. Я находил мебель из карельской березы, костюмы, самовары. Когда вскрывали полы в руинах

обнаживались фантики от шоколада «Эйнем», всякая старинная мелочь, — тогда мне это казалось замечательно ценным...
— И ваша юношеская коллекция легла в основу этой?
— Нет, та осталась в Москве. Здесь почти нет русских вещей...
...Кавалерист на портрете оказался шведским кронпринцем, усадебная девочка в белом — французской. На голубом бисерном кисте была вышита стилизованная славянская буква «Б» в окружении орнамента южноамериканских индейцев, поверху шел узор из палевых роз. И какая пьеса (в смысле — судьба) стояла за этим? ...Весь гербарий вещей — нерусских, но похожих на русские — был собран в антикварных лавках, на толкучих рынках Парижа, Лондона, Брюсселя, Италии, Скандинавии, Латинской Америки.
— То есть вы сами себе смоделировали усадебную Россию, такую, какой вам хотелось бы ее видеть, из чужеродного материала и в Париже?
— По-видимому, так. Если угодно.
— В скольких странах вы работали за пятнадцать лет?
— В двадцати. Я работал в театрах как сценограф и читал в университетах лекции по истории моды.
— Вы насытили «тоску по мировой культуре» московского подростка середины семидесятых?
— Нет, конечно.

обнаживались фантики от шоколада «Эйнем», всякая старинная мелочь, — тогда мне это казалось замечательно ценным...
— И ваша юношеская коллекция легла в основу этой?
— Нет, та осталась в Москве. Здесь почти нет русских вещей...
...Кавалерист на портрете оказался шведским кронпринцем, усадебная девочка в белом — французской. На голубом бисерном кисте была вышита стилизованная славянская буква «Б» в окружении орнамента южноамериканских индейцев, поверху шел узор из палевых роз. И какая пьеса (в смысле — судьба) стояла за этим? ...Весь гербарий вещей — нерусских, но похожих на русские — был собран в антикварных лавках, на толкучих рынках Парижа, Лондона, Брюсселя, Италии, Скандинавии, Латинской Америки.
— То есть вы сами себе смоделировали усадебную Россию, такую, какой вам хотелось бы ее видеть, из чужеродного материала и в Париже?
— По-видимому, так. Если угодно.
— В скольких странах вы работали за пятнадцать лет?
— В двадцати. Я работал в театрах как сценограф и читал в университетах лекции по истории моды.
— Вы насытили «тоску по мировой культуре» московского подростка середины семидесятых?
— Нет, конечно.

обнаживались фантики от шоколада «Эйнем», всякая старинная мелочь, — тогда мне это казалось замечательно ценным...
— И ваша юношеская коллекция легла в основу этой?
— Нет, та осталась в Москве. Здесь почти нет русских вещей...
...Кавалерист на портрете оказался шведским кронпринцем, усадебная девочка в белом — французской. На голубом бисерном кисте была вышита стилизованная славянская буква «Б» в окружении орнамента южноамериканских индейцев, поверху шел узор из палевых роз. И какая пьеса (в смысле — судьба) стояла за этим? ...Весь гербарий вещей — нерусских, но похожих на русские — был собран в антикварных лавках, на толкучих рынках Парижа, Лондона, Брюсселя, Италии, Скандинавии, Латинской Америки.
— То есть вы сами себе смоделировали усадебную Россию, такую, какой вам хотелось бы ее видеть, из чужеродного материала и в Париже?
— По-видимому, так. Если угодно.
— В скольких странах вы работали за пятнадцать лет?
— В двадцати. Я работал в театрах как сценограф и читал в университетах лекции по истории моды.
— Вы насытили «тоску по мировой культуре» московского подростка середины семидесятых?
— Нет, конечно.

обнаживались фантики от шоколада «Эйнем», всякая старинная мелочь, — тогда мне это казалось замечательно ценным...
— И ваша юношеская коллекция легла в основу этой?
— Нет, та осталась в Москве. Здесь почти нет русских вещей...
...Кавалерист на портрете оказался шведским кронпринцем, усадебная девочка в белом — французской. На голубом бисерном кисте была вышита стилизованная славянская буква «Б» в окружении орнамента южноамериканских индейцев, поверху шел узор из палевых роз. И какая пьеса (в смысле — судьба) стояла за этим? ...Весь гербарий вещей — нерусских, но похожих на русские — был собран в антикварных лавках, на толкучих рынках Парижа, Лондона, Брюсселя, Италии, Скандинавии, Латинской Америки.
— То есть вы сами себе смоделировали усадебную Россию, такую, какой вам хотелось бы ее видеть, из чужеродного материала и в Париже?
— По-видимому, так. Если угодно.
— В скольких странах вы работали за пятнадцать лет?
— В двадцати. Я работал в театрах как сценограф и читал в университетах лекции по истории моды.
— Вы насытили «тоску по мировой культуре» московского подростка середины семидесятых?
— Нет, конечно.

обнаживались фантики от шоколада «Эйнем», всякая старинная мелочь, — тогда мне это казалось замечательно ценным...
— И ваша юношеская коллекция легла в основу этой?
— Нет, та осталась в Москве. Здесь почти нет русских вещей...
...Кавалерист на портрете оказался шведским кронпринцем, усадебная девочка в белом — французской. На голубом бисерном кисте была вышита стилизованная славянская буква «Б» в окружении орнамента южноамериканских индейцев, поверху шел узор из палевых роз. И какая пьеса (в смысле — судьба) стояла за этим? ...Весь гербарий вещей — нерусских, но похожих на русские — был собран в антикварных лавках, на толкучих рынках Парижа, Лондона, Брюсселя, Италии, Скандинавии, Латинской Америки.
— То есть вы сами себе смоделировали усадебную Россию, такую, какой вам хотелось бы ее видеть, из чужеродного материала и в Париже?
— По-видимому, так. Если угодно.
— В скольких странах вы работали за пятнадцать лет?
— В двадцати. Я работал в театрах как сценограф и читал в университетах лекции по истории моды.
— Вы насытили «тоску по мировой культуре» московского подростка середины семидесятых?
— Нет, конечно.

обнаживались фантики от шоколада «Эйнем», всякая старинная мелочь, — тогда мне это казалось замечательно ценным...
— И ваша юношеская коллекция легла в основу этой?
— Нет, та осталась в Москве. Здесь почти нет русских вещей...
...Кавалерист на портрете оказался шведским кронпринцем, усадебная девочка в белом — французской. На голубом бисерном кисте была вышита стилизованная славянская буква «Б» в окружении орнамента южноамериканских индейцев, поверху шел узор из палевых роз. И какая пьеса (в смысле — судьба) стояла за этим? ...Весь гербарий вещей — нерусских, но похожих на русские — был собран в антикварных лавках, на толкучих рынках Парижа, Лондона, Брюсселя, Италии, Скандинавии, Латинской Америки.
— То есть вы сами себе смоделировали усадебную Россию, такую, какой вам хотелось бы ее видеть, из чужеродного материала и в Париже?
— По-видимому, так. Если угодно.
— В скольких странах вы работали за пятнадцать лет?
— В двадцати. Я работал в театрах как сценограф и читал в университетах лекции по истории моды.
— Вы насытили «тоску по мировой культуре» московского подростка середины семидесятых?
— Нет, конечно.

обнаживались фантики от шоколада «Эйнем», всякая старинная мелочь, — тогда мне это казалось замечательно ценным...
— И ваша юношеская коллекция легла в основу этой?
— Нет, та осталась в Москве. Здесь почти нет русских вещей...
...Кавалерист на портрете оказался шведским кронпринцем, усадебная девочка в белом — французской. На голубом бисерном кисте была вышита стилизованная славянская буква «Б» в окружении орнамента южноамериканских индейцев, поверху шел узор из палевых роз. И какая пьеса (в смысле — судьба) стояла за этим? ...Весь гербарий вещей — нерусских, но похожих на русские — был собран в антикварных лавках, на толкучих рынках Парижа, Лондона, Брюсселя, Италии, Скандинавии, Латинской Америки.
— То есть вы сами себе смоделировали усадебную Россию, такую, какой вам хотелось бы ее видеть, из чужеродного материала и в Париже?
— По-видимому, так. Если угодно.
— В скольких странах вы работали за пятнадцать лет?
— В двадцати. Я работал в театрах как сценограф и читал в университетах лекции по истории моды.
— Вы насытили «тоску по мировой культуре» московского подростка середины семидесятых?
— Нет, конечно.

обнаживались фантики от шоколада «Эйнем», всякая старинная мелочь, — тогда мне это казалось замечательно ценным...
— И ваша юношеская коллекция легла в основу этой?
— Нет, та осталась в Москве. Здесь почти нет русских вещей...
...Кавалерист на портрете оказался шведским кронпринцем, усадебная девочка в белом — французской. На голубом бисерном кисте была вышита стилизованная славянская буква «Б» в окружении орнамента южноамериканских индейцев, поверху шел узор из палевых роз. И какая пьеса (в смысле — судьба) стояла за этим? ...Весь гербарий вещей — нерусских, но похожих на русские — был собран в антикварных лавках, на толкучих рынках Парижа, Лондона, Брюсселя, Италии, Скандинавии, Латинской Америки.
— То есть вы сами себе смоделировали усадебную Россию, такую, какой вам хотелось бы ее видеть, из чужеродного материала и в Париже?
— По-видимому, так. Если угодно.
— В скольких странах вы работали за пятнадцать лет?
— В двадцати. Я работал в театрах как сценограф и читал в университетах лекции по истории моды.
— Вы насытили «тоску по мировой культуре» московского подростка середины семидесятых?
— Нет, конечно.

обнаживались фантики от шоколада «Эйнем», всякая старинная мелочь, — тогда мне это казалось замечательно ценным...
— И ваша юношеская коллекция легла в основу этой?
— Нет, та осталась в Москве. Здесь почти нет русских вещей...
...Кавалерист на портрете оказался шведским кронпринцем, усадебная девочка в белом — французской. На голубом бисерном кисте была вышита стилизованная славянская буква «Б» в окружении орнамента южноамериканских индейцев, поверху шел узор из палевых роз. И какая пьеса (в смысле — судьба) стояла за этим? ...Весь гербарий вещей — нерусских, но похожих на русские — был собран в антикварных лавках, на толкучих рынках Парижа, Лондона, Брюсселя, Италии, Скандинавии, Латинской Америки.
— То есть вы сами себе смоделировали усадебную Россию, такую, какой вам хотелось бы ее видеть, из чужеродного материала и в Париже?
— По-видимому, так. Если угодно.
— В скольких странах вы работали за пятнадцать лет?
— В двадцати. Я работал в театрах как сценограф и читал в университетах лекции по истории моды.
— Вы насытили «тоску по мировой культуре» московского подростка середины семидесятых?
— Нет, конечно.

обнаживались фантики от шоколада «Эйнем», всякая старинная мелочь, — тогда мне это казалось замечательно ценным...
— И ваша юношеская коллекция легла в основу этой?
— Нет, та осталась в Москве. Здесь почти нет русских вещей...
...Кавалерист на портрете оказался шведским кронпринцем, усадебная девочка в белом — французской. На голубом бисерном кисте была вышита стилизованная славянская буква «Б» в окружении орнамента южноамериканских индейцев, поверху шел узор из палевых роз. И какая пьеса (в смысле — судьба) стояла за этим? ...Весь гербарий вещей — нерусских, но похожих на русские — был собран в антикварных лавках, на толкучих рынках Парижа, Лондона, Брюсселя, Италии, Скандинавии, Латинской Америки.
— То есть вы сами себе смоделировали усадебную Россию, такую, какой вам хотелось бы ее видеть, из чужеродного материала и в Париже?
— По-видимому, так. Если угодно.
— В скольких странах вы работали за пятнадцать лет?
— В двадцати. Я работал в театрах как сценограф и читал в университетах лекции по истории моды.
— Вы насытили «тоску по мировой культуре» московского подростка середины семидесятых?
— Нет, конечно.

обнаживались фантики от шоколада «Эйнем», всякая старинная мелочь, — тогда мне это казалось замечательно ценным...
— И ваша юношеская коллекция легла в основу этой?
— Нет, та осталась в Москве. Здесь почти нет русских вещей...
...Кавалерист на портрете оказался шведским кронпринцем, усадебная девочка в белом — французской. На голубом бисерном кисте была вышита стилизованная славянская буква «Б» в окружении орнамента южноамериканских индейцев, поверху шел узор из палевых роз. И какая пьеса (в смысле — судьба) стояла за этим? ...Весь гербарий вещей — нерусских, но похожих на русские — был собран в антикварных лавках, на толкучих рынках Парижа, Лондона, Брюсселя, Италии, Скандинавии, Латинской Америки.
— То есть вы сами себе смоделировали усадебную Россию, такую, какой вам хотелось бы ее видеть, из чужеродного материала и в Париже?
— По-видимому, так. Если угодно.
— В скольких странах вы работали за пятнадцать лет?
— В двадцати. Я работал в театрах как сценограф и читал в университетах лекции по истории моды.
— Вы насытили «тоску по мировой культуре» московского подростка середины семидесятых?
— Нет, конечно.

обнаживались фантики от шоколада «Эйнем», всякая старинная мелочь, — тогда мне это казалось замечательно ценным...
— И ваша юношеская коллекция легла в основу этой?
— Нет, та осталась в Москве. Здесь почти нет русских вещей...
...Кавалерист на портрете оказался шведским кронпринцем, усадебная девочка в белом — французской. На голубом бисерном кисте была вышита стилизованная славянская буква «Б» в окружении орнамента южноамериканских индейцев, поверху шел узор из палевых роз. И какая пьеса (в смысле — судьба) стояла за этим? ...Весь гербарий вещей — нерусских, но похожих на русские — был собран в антикварных лавках, на толкучих рынках Парижа, Лондона, Брюсселя, Италии, Скандинавии, Латинской Америки.
— То есть вы сами себе смоделировали усадебную Россию, такую, какой вам хотелось бы ее видеть, из чужеродного материала и в Париже?
— По-видимому, так. Если угодно.
— В скольких странах вы работали за пятнадцать лет?
— В двадцати. Я работал в театрах как сценограф и читал в университетах лекции по истории моды.
— Вы насытили «тоску по мировой культуре» московского подростка середины семидесятых?
— Нет, конечно.

обнаживались фантики от шоколада «Эйнем», всякая старинная мелочь, — тогда мне это казалось замечательно ценным...
— И ваша юношеская коллекция легла в основу этой?
— Нет, та осталась в Москве. Здесь почти нет русских вещей...
...Кавалерист на портрете оказался шведским кронпринцем, усадебная девочка в белом — французской. На голубом бисерном кисте была вышита стилизованная славянская буква «Б» в окружении орнамента южноамериканских индейцев, поверху шел узор из палевых роз. И какая пьеса (в смысле — судьба) стояла за этим? ...Весь гербарий вещей — нерусских, но похожих на русские — был собран в антикварных лавках, на толкучих рынках Парижа, Лондона, Брюсселя, Италии, Скандинавии, Латинской Америки.
— То есть вы сами себе смоделировали усадебную Россию, такую, какой вам хотелось бы ее видеть, из чужеродного материала и в Париже?
— По-видимому, так. Если угодно.
— В скольких странах вы работали за пятнадцать лет?
— В двадцати. Я работал в театрах как сценограф и читал в университетах лекции по истории моды.
— Вы насытили «тоску по мировой культуре» московского подростка середины семидесятых?
— Нет, конечно.

обнаживались фантики от шоколада «Эйнем», всякая старинная мелочь, — тогда мне это казалось замечательно ценным...
— И ваша юношеская коллекция легла в основу этой?
— Нет, та осталась в Москве. Здесь почти нет русских вещей...
...Кавалерист на портрете оказался шведским кронпринцем, усадебная девочка в белом — французской. На голубом бисерном кисте была вышита стилизованная славянская буква «Б» в окружении орнамента южноамериканских индейцев, поверху шел узор из палевых роз. И какая пьеса (в смысле — судьба) стояла за этим? ...Весь гербарий вещей — нерусских, но похожих на русские — был собран в антикварных лавках, на толкучих рынках Парижа, Лондона, Брюсселя, Италии, Скандинавии, Латинской Америки.
— То есть вы сами себе смоделировали усадебную Россию, такую, какой вам хотелось бы ее видеть, из чужеродного материала и в Париже?
— По-видимому, так. Если угодно.
— В скольких странах вы работали за пятнадцать лет?
— В двадцати. Я работал в театрах как сценограф и читал в университетах лекции по истории моды.
— Вы насытили «тоску по мировой культуре» московского подростка середины семидесятых?
— Нет, конечно.

обнаживались фантики от шоколада «Эйнем», всякая старинная мелочь, — тогда мне это казалось замечательно ценным...
— И ваша юношеская коллекция легла в основу этой?
— Нет, та осталась в Москве. Здесь почти нет русских вещей...
...Кавалерист на портрете оказался шведским кронпринцем, усадебная девочка в белом — французской. На голубом бисерном кисте была вышита стилизованная славянская буква «Б» в окружении орнамента южноамериканских индейцев, поверху шел узор из палевых роз. И какая пьеса (в смысле — судьба) стояла за этим? ...Весь гербарий вещей — нерусских, но похожих на русские — был собран в антикварных лавках, на толкучих рынках Парижа, Лондона, Брюсселя, Италии, Скандинавии, Латинской Америки.
— То есть вы сами себе смоделировали усадебную Россию, такую, какой вам хотелось бы ее видеть, из чужеродного материала и в Париже?
— По-видимому, так. Если угодно.
— В скольких странах вы работали за пятнадцать лет?
— В двадцати. Я работал в театрах как сценограф и читал в университетах лекции по истории моды.
— Вы насытили «тоску по мировой культуре» московского подростка середины семидесятых?
— Нет, конечно.

обнаживались фантики от шоколада «Эйнем», всякая старинная мелочь, — тогда мне это казалось замечательно ценным...
— И ваша юношеская коллекция легла в основу этой?
— Нет, та осталась в Москве. Здесь почти нет русских вещей...
...Кавалерист на портрете оказался шведским кронпринцем, усадебная девочка в белом — французской. На голубом бисерном кисте была вышита стилизованная славянская буква «Б» в окружении орнамента южноамериканских индейцев, поверху шел узор из палевых роз. И какая пьеса (в смысле — судьба) стояла за этим? ...Весь гербарий вещей — нерусских, но похожих на русские — был собран в антикварных лавках, на толкучих рынках Парижа, Лондона, Брюсселя, Италии, Скандинавии, Латинской Америки.
— То есть вы сами себе смоделировали усадебную Россию, такую, какой вам хотелось бы ее видеть, из чужеродного материала и в Париже?
— По-видимому, так. Если угодно.
— В скольких странах вы работали за пятнадцать лет?
— В двадцати. Я работал в театрах как сценограф и читал в университетах лекции по истории моды.
— Вы насытили «тоску по мировой культуре» московского подростка середины семидесятых?
— Нет, конечно.

обнаживались фантики от шоколада «Эйнем», всякая старинная мелочь, — тогда мне это казалось замечательно ценным...
— И ваша юношеская коллекция легла в основу этой?
— Нет, та осталась в Москве. Здесь почти нет русских вещей...
...Кавалерист на портрете оказался шведским кронпринцем, усадебная девочка в белом — французской. На голубом бисерном кисте была вышита стилизованная славянская буква «Б» в окружении орнамента южноамериканских индейцев, поверху шел узор из палевых роз. И какая пьеса (в смысле — судьба) стояла за этим? ...Весь гербарий вещей — нерусских, но похожих на русские — был собран в антикварных лавках, на толкучих рынках Парижа, Лондона, Брюсселя, Италии, Скандинавии, Латинской Америки.
— То есть вы сами себе смоделировали усадебную Россию, такую, какой вам хотелось бы ее видеть, из чужеродного материала и в Париже?
— По-видимому, так. Если угодно.
— В скольких странах вы работали за пятнадцать лет?
— В двадцати. Я работал в театрах как сценограф и читал в университетах лекции по истории моды.
— Вы насытили «тоску по мировой культуре» московского подростка середины семидесятых?
— Нет, конечно.

обнаживались фантики от шоколада «Эйнем», всякая старинная мелочь, — тогда мне это казалось замечательно ценным...
— И ваша юношеская коллекция легла в основу этой?
— Нет, та осталась в Москве. Здесь почти нет русских вещей...
...Кавалерист на портрете оказался шведским кронпринцем, усадебная девочка в белом — французской. На голубом бисерном кисте была вышита стилизованная славянская буква «Б» в окружении орнамента южноамериканских индейцев, поверху шел узор из палевых роз. И какая пьеса (в смысле — судьба) стояла за этим? ...Весь гербарий вещей — нерусских, но похожих на русские — был собран в антикварных лавках, на толкучих рынках Парижа, Лондона, Брюсселя, Италии, Скандинавии, Латинской Америки.
— То есть вы сами себе смоделировали усадебную Россию, такую, какой вам хотелось бы ее видеть, из чужеродного материала и в Париже?
— По-видимому, так. Если угодно.
— В скольких странах вы работали за пятнадцать лет?
— В двадцати. Я работал в театрах как сценограф и читал в университетах лекции по истории моды.
— Вы насытили «тоску по мировой культуре» московского подростка середины семидесятых?
— Нет, конечно.

«Плащ цвета времени» — всегда лоскутный

— Вы предпочитаете толкучие рынки, лавки, развалы — «Лувру антикваров»?

— Меня не интересует жизнь вещи в большой витрине.

— Вы разговариваете с вещами?

— Да! Когда возвращаюсь в Париж, всегда здороваюсь с ними. И если нашел новый портрет, говорю всем прежним: «Пожалуйста, не обижайте его, а любите».

...Видимо, вещи — летучие частицы русского Зарубежья — чувствуют это. В тот день Васильев, собирающий еще и материалы по истории русской художественной и театральной эмиграции, купил на толкучем рынке ящик репетиционных фотографий Нуриева — никем не опознанных, никому не нужных. А также десяток снимков забытых русских актрис, кабаре-ретных певих.

— ...Вы работаете в России в последние годы?

— Я был художником спектакля «Гофман» в чеховском МХАТе. Только что в Самаре прошла выставка моих театральных эскизов, я — при поддержке администрации города — хочу создать в Самаре музей моего отца, известного сценографа, народного художника России А. П. Васильева. Музей будет открыт в квартире моего дяди, инспектора Волжского пароходства в предреволюционные годы. ...Кроме того, меня привлекает общественная мода, я вхожу, в частности, в жюри конкурса модельеров, учрежденного фирмой «Смирнофф» (это

Из коллекции А. Васильева

зывается «Красота в изгнании». Это первое в мире исследование деятельности русских эмигрантов в области моды в 1920 — 1950-х годах. В ней двадцать одна глава — русские моды Берлина, Харбина, Парижа, Нью-Йорка, Константинополя...
интернациональный конкурс, российский этап завершится в Москве в сентябре, международный финал пройдет в Лондоне, победитель получит годичную стипендию для учебы в крупной лондонской школе моды). Я участвую в работе над III — IV томами «Истории костюма» М. Н. Мерцаловой. Это история костюма 1700 — 1900 годов, Европа, Северная и Южная Америка, Россия. В 1998 году в том же издательстве «Академия моды» под эгидой того же цикла выйдет мой том — «История моды XX века», иллюстрированный документами, собранными мною, а затем — альбом «Сто лет русской моды в фотографии». 1860 — 1960: это очень выразительное для России столетие, менялись не только моды... но и лица... и фигу-

ры... даже, кажется, строение костей — и мы все это сможем увидеть, визуальный материал ведь много выразительнее слова...
— Вы так быстро работаете?
— Подойдите, пожалуйста, сюда. Вот комод, я купил его у Ирины Одоевцевой перед ее отъездом в Россию...
Ящички были полны пластмассовых футляров размером с табакерку с надписью на ребре: «Мода Тосканы. Мужской костюм. 1520-е годы», «Мода Тосканы. Мужской костюм. 1530-е годы», «Мода Тосканы. Женский костюм...», «Мода Германии, Франции, Оттоманской империи, Скандинавии, Испании, России, Америки, мода эпохи ристалищ, мода эпохи фокстротов, слайды, перенятые в музеях, архивах, библиотеках... В общей сложности их было пятнадцать тысяч. ...И, глядя на этот карнавал фигурок, расставленных по временам и странам в педантичном, вполне компьютерного толка порядке, я вспомнила пророчество 1921 года: после всего произошедшего в России *воля к культуре* станет для многих *волей к жизни*. Но в железном веке и культура станет железной.
А системность для нее будет лучшим способом самозащиты.
— У вас, кажется, выходит еще одна книга?
— Да, в сентябре, в Москве, в издательстве «Слово», она на-

Модель в костюме 1880-х годов из коллекции А. Васильева

— Но это грустная и скудная тема — «Русские моды Константинополя»...

— Это абсолютно не грустная и абсолютно не скудная тема! Просто наши представления о ней покоятся исключительно на третьем действии «Бега»! Я жил в Константинополе! Я занимался этим! Русские создали там в 1920-е годы первую оперу, первые драматичес-

кие труппы, первые театры-кабаре — просто этот материал был забыт. Но я его возвращаю. Мне повезло, я уехал рано, я застал еще всех этих людей и общался с ними! На мой взгляд, эта книга будет не только данью заслугам эмиграции — она может что-то изменить в самосознании сегодняшних русских! Первые русские манекенщицы, дома моды появились в Европе не вчера, а в 1921 году. И история их была славной и успешной!

...Я читала фрагмент корректуры. В известном смысле это была книга об эмиграции как об иной беспечности и иной деловитости, о другом железном пути века и другой свободе; об эмиграции как другой стойкости перед жизнью, о другой храбрости — в других обстоятельствах...

— ...Ваши слайды свидетельствуют: всякий настоящий плащ — «плащ цвета времени» из старой французской сказки. Что будем носить мы на излете века?

— Прежде всего восторжествуют минимализм, чистота форм и линий. Минимум цвета, минимум отделки и максимум формы. Цвета — черный и белый, та гамма красновато-оранжевых тонов, которая называется «от томатного к коралловому». Важный акцент — интерес к спектру серого и спектру синих тонов. А в начале XXI века — новые материалы (в частности, пластик и лайкра) многое изменят, шить